

Иной как Значимый Другой: восхождение к Человечности в эпоху потери Лица

А.Г. Асмолов, д.психол.наук., академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Школы антропологии будущего Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2319-398X>

DOI: [10.61157/978-5-4212-0676-7-2023-3-9](https://doi.org/10.61157/978-5-4212-0676-7-2023-3-9)

ключевые слова: разнообразие, цивилизация, антропологическая катастрофа, прогресс, Значимый другой, культура полезности, культура достоинства

A Different One as a Significant Other: Ascension to Humanity in an Era of Embarrassment

A.G. Asmolov, Doctor of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, The Russian Academy of Education, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2319-398X>

DOI: [10.61157/978-5-4212-0676-7-2023-3-9](https://doi.org/10.61157/978-5-4212-0676-7-2023-3-9)

keywords: diversity, civilization, anthropological catastrophe, progress, Significant Other, culture of utility, culture of dignity

Ровно 10 лет назад, когда мы собрались на конференцию, посвященную детям с РАС, мое выступление называлось «Иной как ценность. Культурно-историческая антропология и социальная практика в поисках человечности». Тогда это казалось чем-то странным. С тех пор прошло 10 лет. Сегодня вся конференция, все обсуждение посвящено ценности каждого. Именно междисциплинарный дискурс, дискурс антропологической перспективы, в которой объединяются врачи, психологи, дефектологи, прежде всего те, для кого дети выступают как Значимые Другие, а ситуация выходит за рамки отдельных дисциплин.

Я вспоминаю спектакль «Берегите ваши лица», который был поставлен в «Гоголь-центре». Впервые эту вещь А. Вознесенский ставил в 1965 году в центре на Таганке. Сейчас мы опять к ней вернулись. В главный вопрос в этом спектакле: как в ситуации гуманитарных катастроф, человеческих кризисов не потерять лицо. Поэтому важны эти строки: «Время обрывает наши лица // в общем, иногда они

и лишни, // В осень и иные катаклизмы // Просим: не теряйте ваши лица! // ... Учишь все чужое и чужое, // Просто есть опасность раствориться // Просим: пощадите наши лица!» Каждый раз, когда мы общаемся с теми мирами, с теми взрослыми и теми детьми, которые испытывают катастрофы, кризисы и проблемы, прежде всего это вопрос к нам самим: насколько мы интересны сами для себя, насколько мы при этом сами не теряем лицо. Насколько, вопреки очень многим ситуациям в мире, мы остаемся людьми.

Сложность нашей работы особо возрастает, когда в мире происходят антропологические катастрофы. Именно в ситуации антропологических катастроф происходит обезличивание, деперсонализация Других, Чужих, Иных. Были разные подходы к описанию этого феномена, и каждый раз ключевые вопросы решали те мыслители, которые понимали: как бы ни было трудно, как бы ни было тяжело, надо четко понять, что с нами происходит. В связи с этим я сегодня постоянно вспоминаю слова Ежи Леца: «Когда вода подходит к самому горлу – выше голову». И наша конференция – это когда мы поднимаем выше голову. И мы понимаем, что в ситуации, которую Виктор Франкл назвал кризисом утраты смысла, у него хватило сил, чтобы во всех ситуациях сказать жизни «Да!» [1].

Ребенок с особенностями, которому поставили диагноз, тут же оказывается как бы человеком иной культуры, и он сам, и его родители оказываются в ситуации, которую исследователи называли ситуацией культурного шока, он становится вместе с родителями мигрантом в нашем обществе. Работая с такими «мигрантами», мы часто сталкиваемся с равнодушием, которое Ханна Арендт назвала «банальность зла» [2]. Что такое абсолютное зло в этом мире? Абсолютное зло – это отсутствие альтернатив. Наша сегодняшняя конференция, наше общение – это поиск иных путей развития. В этих ситуациях особенно опасно то, о чем говорил Ирвинг Гофман, – травмы стигматизации, когда мы стигматизируем других. В своей великой работе «Узилища» (в русском переводе часто называется «Тотальные институты»), написанной в 1960 году после года практики в психиатрической больнице, Ирвинг Гофман говорит: «То, что мы называем патологией, – не патология, а те условия, в которые мы вводим человека, вызывают патологические установки к жизни» [3]. Работы Гофмана как мастера драматургической социологии важны как никогда.

В ситуации кризиса мы не видим страдания других и наступает моральная слепота. И, как сказал мой друг, автор теории персонализации значимых других Вадим Петровский, одна из ключевых драм, которые сегодня испытывает общество, но особо – мы, собравшиеся здесь, – это драма взаимонепонимания [4]. Всегда существует ценностный диссонанс, и многие стереотипы и предрассудки не преодолешь никакой рациональностью. Вы можете возражать тем, кто говорит: «Завтра – Апокалипсис», – как говорили в одной социальной группе в США в 1983 году. Они были «всадниками Апокалипсиса» и обещали наступление кон-

ца света в декабре 1983 года. Когда конец света не наступил, они сказали: «Хорошо, он будет в 2033 году». Их установка, что конец света будет, не изменилась. Поэтому вслед за великим психологом Гордоном Олпортом, автором теории личности как открытой системы, персонологической концепции личности, я повторяю: «Человечеству во много раз легче расщепить атом, чем преодолеть собственные предрассудки» [5]. А мы этим занимаемся. И в ситуации кризиса барьером становится фиксация на задаче выживания как сужение реальности в культуре полезности. А тут к вам еще приходят и говорят: «Вам плохо, денег нет, но вы держитесь!» Когда мы реализуем программы, которые ставят задачи выживания, то тем самым обрекаем себя на подгонку, адаптацию, приспособление, а не ставим задачи жизни. Задача жизни и задача выживания – две совершенно разных ценностных установки. О них Л.Н. Толстой писал: «Все устраиваются. Когда же жить начнут?»

Другой эффект, особенно для нас важный, связан с тем, что те люди, с которыми мы имеем дело, исторически, в эволюции воспринимаются как Другие, Чужие, Иные. Это три разных атрибута «других» людей. И тогда возникает свойственный сложным системам «ксенофобский эффект» как источник элиминации разнообразия. Возникает оппозиция: «свои – чужие». И тогда те, кто непохож, те, кто странен, кто не такой, как вы, начинает «гаситься», элиминироваться. Чтобы в этом убедиться, вы можете еще раз взглянуть на уникальный фильм «Антон тут рядом». Но не менее важен другой фильм – блестящий фильм Гари Бардина «Адажио», в котором так или иначе показывается, что происходит с тем, кто говорит «не так», делает «не так», несет свою мысль и свое слово. Мотив Другого, Чужого, Иного проступает в великолепном произведении того же Г. Бардина – художественном мультфильме «Гадкий утенок». Вы все помните трагедию Гадкого утенка, которая закончилась счастьем. Этот мультфильм и эту метаморфозу помнят все: ему ставили в вину, что он – монстр, а он оказывается совершенно другим и становится лебедем. Но есть еще другое произведение – игра с Гадким утенком – гениальная повесть, которая в 1967 году вышла в журнале «Даугава» и которую написали великие прогнозисты будущего Аркадий и Борис Стругацкие. Повесть «Гадкие лебеди» [6] как никогда является символом времени, потому что наши дети могут так же уйти из культуры, они в целом становятся другими, иными, непохожими. И поиск «кода понимания» между детьми и родителями, между учениками и учителями становится ключевой задачей. Я 50 лет выступаю перед студентами факультета психологии МГУ, и если 50 лет назад мне стоило бросить некоторые слова, сослаться на какие-то произведения и меня понимали, то сейчас, как сказал Л.С. Выготский, у нас «меньше общих подлежащих». Дети (я говорю о своих студентах) не знают, кто такие И.А. Ильф и Е.П. Петров, никогда не слышали об Остапе Бендере и т.д. «Код понимания», благодаря которому меня могут услышать, невероятно важен. И то, что описано в «Гадких лебедях», может про-

исходить и с нами. Это вопрос особой трансформации любых детей в нашу с вами эпоху.

Особенно важны риски восприятия детей из группы риска в культуре полезности. В свое время, еще в 1990-х годах я предложил идею «Бермудского треугольника» деперсонализированного, обезличенного образования, написав статью «Не пройденный путь: от культуры полезности – к культуре достоинства» [7]. Существует три группы риска: одаренные дети, среди которых, как вы знаете, достаточно велика склонность к суициду; дети, которых теперь называют «детьми с ОВЗ», с иными способностями, что для меня намного ближе; и социальные девианты. Эти группы образуют «Бермудский треугольник» обезличенного образования, а в середине его – ребенок как Homo Complexus, сложный человек, который не сводится ни к своей одаренности, ни к ограниченным возможностям, ни к своим социальным девиациям. Что он представляет в целом? Каждый раз мы, как бы сказал В. Франкл, видим только частичную личность, но не видим личность в целом с ее сложностями [8]. Еще в 1990-е годы мы предложили три федеральные программы, предназначенные для одаренных детей, для детей с ОВЗ и для несовершеннолетних правонарушителей. Эти программы переживают сложные времена, но живут до сих пор. И в этой ситуации особенно важно понять, что происходит в стране с социальной политикой. Социальная политика сводится к политике «компенсации дефектов» в культуре полезности и не видит ценности каждого. Иные оказываются в фокусе ее внимания как чужие, уязвленные. Здесь даже не учитывается сам конструкт дефектности в адлеровском смысле этого слова – дефект как драйвер развития, а не что-то другое [9].

Каковы ключевые источники не-видения других? Первый источник я называю жестко – это «недолюбленные дети». Недолюбленность становится источником драм детского развития. Напомню о важности базового доверия к миру в первые годы жизни [10], эмоционального общения с ребенком для возникновения качественно других возможностей и самой жизни [11].

Отношение к особым детям в культуре – это тест на человечность. Я рад, что вышла книга одного из сотрудников Центра лечебной педагогики Алексея Мелия [12], не только потому, что она очень особая и сложная, а потому, что в ней была сделана попытка опереться на те труды, без которых нет понимания природы проблем особенных детей: Г.Е. Сухаревой, ее лекции по детской психиатрии всегда останутся ценностью; Л.С. Выготского; Н.А. Бернштейна; работы по изменению вероятностного прогнозирования при шизофрении И.М. Фейгенберга – без этих работ невозможно двигаться дальше.

Когда мы называем свою конференцию «Ценность каждого», мы не одиноки. Как говорил М. Бахтин, есть время большой культуры, и в этом времени большой культуры есть те, кто говорил, что закон эволюции, а не только наша гуманитарная влюбленность сегодняшнего дня, поддерживает то, что мы с вами все делаем.

Введенный И.В. Гете принцип ценности разнообразия в эволюции природы и общества гласит: «...великий закон, проходящий через всю жизнь, более того – являющийся основой всей жизни и всех ее радостей – закон затребованного разнообразия». Разнообразие – источник эволюции. Как бы сказал А.С. Северцов [13], там, где гасят разнообразие, там – регресс, примитивизация, идиоадаптация, уход от прогресса. Поэтому ценности каждого – это общеэволюционный закон, а не только философские рассуждения.

Следующий принцип – неповторимость Иного как нравственный императив Культуры Достоинства. В работах Мартина Бубера [14] показано, что каждый в своем мире неповторим. Эта единственность и неповторимость – дар, который каждый дарит себе. Работа с особыми детьми – это раскрытие их особого дара, а не только преодоление отклонений.

Сегодня мы в методологии переходим от парадигмы мышления унификациями и нормами к парадигме мышления различиями. Очень верно было сказано одним из ведущих исследователей и философов-структуралистов Ж. Делезом [15]: главное открытие – это мышление индивидуальными различиями, и никто еще не знает, насколько разнообразие, индивидуальные различия могут сменить линию прогресса в развитии цивилизации.

Мы все привыкли жить в оппозиции «они – мы», «свои – чужие». Парадигма конфликта дает нам понимание истории. На самом деле такую оппозицию задали три великих конфликтолога: К. Маркс, Ч. Дарвин и З. Фрейд. Но конфликт – лишь один из драйверов развития. Недооцененными оказались работы, созданные в парадигме взаимопомощи. Взаимопомощь как фактор эволюции стоит за нашими делами и действиями. Именно взаимопомощь дает возможность индивидуальным проявлениям детей и вообще людей в этом мире [16, 17, 18]. Это еще одна новая методологическая система координат.

Надо понимать, какую сложную судьбу претерпели те науки, на которые мы с вами опираемся, желая помочь особенным людям, непохожим на других в этом мире. Это науки об изменениях и разнообразии: психотехника, психоанализ, эволюционная биология, кибернетика, педология, дефектология, генетика. Это науки о ценности другого, ценности каждого, и у всех них – своя особая судьба. Обращаю внимание на судьбу этих наук в истории культуры, особенно в закрытых тоталитарных системах. Всем известно о судьбе Николая Вавилова – великого генетика, Сергея Четверикова – разработчика евгеники, Соломона Левита, разработывавшего основные механизмы разнообразия, Владимира Эфроимсона – автора книг об истоках альтруизма в медицинской генетике. У всех них – трагичная судьба. Есть и те, кто нам более близок и известен. Лев Выготский, Исаак Шпильрейн – создатель психотехники, расстрелян; Арон Залкинд – педолог, расстрелян; Сабина Шпильрейн – психоаналитик, убита фашистами; Алексей Гастев –

создатель Института труда, расстрелян. Все они занимались ценностями разнообразия [19].

Векторы развития наук о человеке: от унификации, стандартизации жизни, где любой непохожий воспринимается как вызов, стремления к гомогенной реальности (один учебник, одна форма, одна программа, один стандарт) – к достойной жизни, где разнообразие и ценность каждого являются ключевой ценностью и основой прогресса. Здесь хочу сослаться на работы о том, что мы с М. Фаликман назвали экзистенциальной нейропсихологией, наукой о порождении ценности, вырастающей на основе работ А.Р. Лурия, а также тех, без кого не было бы лечебной педагогики, – моих коллег и даже однокурсников А.А. Цыганок и Ж.М. Глозман.

Забота о Других, которой мы занимаемся, – это начало цивилизации. Обратите внимание на эти слова Маргарет Мид, автора книги о культуре детства: «Цивилизация начинается с залеченного человеческого бедра». Если бы человек с поврежденным бедром был брошен, он бы погиб. Оказать помощь кому-то в сложный период – это тот поступок, с которого и начинается цивилизация.

Мы ищем баланс между Тождественным и Иным в культурной антропологии. Те, кто непохож, часто воспринимаются с позиций эволюционного снобизма – мы говорим о первобытных и примитивных культурах. Мы больны европоцентризмом и эволюционным снобизмом, а на самом деле Иные не ниже нас, а представляют другие культуры и цивилизации. Понимая всю важность психологии помощи, мы переходим в наших исследованиях к психологии заботы. Здесь иначе расставлены акценты: за психологией помощи стоит воздействие на другого, забота – это психология со-действия, когда мы вместе с тем, о ком заботимся. Эти идеи идут от работы одного из моих учителей А.В. Запорожца, который считал содействие единицей развития личности [20].

В культуре достоинства действует установка на содействие Иному. Лечебная педагогика Иного выступает как инструмент поддержки разнообразия и достоинства личности. Значимый другой особенно важен как ценность в условиях экзистенциальных кризисов. Поступок Я. Корчака, вошедшего вместе с детьми в газовую камеру, – это поступок Значимого другого. И в каждом из вас живет Корчак, когда вы пытаетесь сделать что-то для того, чтобы вокруг детей был мир.

Литература

1. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 239 с.
2. Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. – М.: Европа, 2008. – 424 с.

3. *Goffman E. Asylums: Essays in the Social Situation on Mental Patients and other Inmates.* – N. Y.: Anchor Books, 1961. – 386 p.
4. *Петровский В.А. О травме взаимонепонимания // Психологическая газета, 1 июля 2022 г.* – URL: <https://psy.su/feed/10109/>.
5. *Allport G.W. The nature of prejudice.* Cambridge (Mass.): Addison-Wesley, 1954. – 537 p.
6. *Стругацкий А., Стругацкий Б. Гадкие лебеди.* – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972. – 269 с.
7. *Асмолов А.Г. Непроходимый путь: от культуры полезности – к культуре достоинства // Вопросы психологии.* – 1990. – № 5. – С. 5–12.
8. *Франкл В. Десять тезисов о личности // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия.* – 2005. – № 2. – С. 4–13.
9. *Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии.* – М.: АСТ, 2023. – 256 с.
10. *Эриксон Э. Детство и общество.* – СПб.: Питер, 2019. – 448 с.
11. *Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении.* – СПб., 2009
12. *Мелия А. Мир аутизма: 16 супергероев.* – М.: Эксмо-Пресс, 2019. – 336 с.
13. *Северцов А.С. Внутривидовое разнообразие как причина эволюционной стабильности // Журнал общей биологии.* – 1990. – №51(5). – С. 579–589.
14. *Buber M. Ich und Du.* – Leipzig: Insel-Verlag, 1923. – 137 p.
15. *Делез Ж. Различие и повторение.* – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
16. *Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции.* – М.: Луч, 2020. – 256 с.
17. *Ушинский К.Д. Педагогическая антропология.* – М.: Юрайт, 2023. – 488 с.
18. *Тейяр де Шарден П. Феномен человека.* – М.: АСТ, 2012. – 384 с.
19. *Репрессированная наука / Под общ. ред. проф. М.Г. Ярошевского.* – Л.: Наука, 1991. – 560 с.
20. *Запорожец А.В., Неверович Я.З. и др. Эмоциональное развитие дошкольника. Пособие для воспитателей детского сада.* – М.: Просвещение, 1985. – 175 с.